

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИМПЕРАТОРСКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПРАВОСЛАВНЫЙ
ПАЛЕСТИНСКИЙ
СБОРНИК

ВЫПУСК
98 (35)

СБОРНИК
ПАМЯТИ Н. В. ПИГУЛЕВСКОЙ

С.-ПЕТЕРБУРГ • 1998

НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ ДРЕВНЕГО ЙЕМЕНА*

Изучение древней Южной Аравии началось свыше 150 лет назад, практически одновременно с началом изучения других стран Древнего Востока, таких, как Ассирия, Вавилония и Египет. Однако оно проходило в замедленном темпе. Это объясняется прежде всего особенностями имеющихся источников.

Закрытость йеменского общества, продолжавшаяся до середины нашего века, привела к тому, что его изучение проводили лишь путешественники, проникавшие в Йемен и Хадрамаут часто случайно, иногда с опасностью для собственной жизни. Правда, они доставили многочисленные описания древних городов и оросительных сооружений и многочисленные копии или фотографии надписей, но эти материалы оставались разрозненными, отрывочными и весьма трудными для интерпретации.

Нарративные источники, как средневековые арабские, так и античные, на удивление скудны и не дают почти никаких исторических сведений. Так, арабские историки не знают даже правителей Йемена в V в. н. э. Сведения Библии или Геродота не идут ни в какое сравнение с их же данными о Ближнем Востоке, Египте и Месопотамии I тыс. до н. э. Практически историю Йемена даже первых веков н. э. можно изучать только по собственным источникам, как историю Древнего Востока в III—II тыс. до н. э.

Однако и здесь исследователи других областей Древнего Востока имеют немалые преимущества. Они уже давно пользуются материалами археологических раскопок, не только снабжающими их все новыми письменными памятниками, но и дающими надежную хронологическую канву исторических событий и картину развития и взаимовлияния культур.

Между тем в Южной Аравии первые раскопки были проведены лишь в 1932 г. на небольшом провинциальном городище Хадрамаута,¹ а следующие за ними — только через 18 лет, в 1950—1952 гг. Эти блестящие работы американской экспедиции в Тимна², столице древнего Катабана, и в Марибе, столице Саба³, принесли открытие почти тысячи надписей и вывели изучение древнего Йемена на новый уровень. Но следующих раско-

* Статья отредактирована С. А. Французовым.

пок пришлось ждать почти 25 лет. И только с начала 80-х гг. ведутся систематические раскопки, которые осуществляют несколько экспедиций из разных стран во многих областях Йемена. Однако до настоящего времени опубликованы только предварительные сообщения и первые результаты.

Историки Древнего Востока обладают еще одним преимуществом: для всех периодов с начала III тыс. до н. э. они располагают массивами документов, клинописных или папирусных — хозяйственных, экономических, политических, религиозных, иногда литературных и мифологических, позволяющих иметь представление, порой даже детальное, о самых разных сторонах жизни общества. Между тем для Южной Аравии до настоящего времени были известны только эпиграфические памятники — надписи на камне или бронзе. Они всегда носят официальный характер и посвящены очень ограниченному кругу тем. Да и в пределах этих тем надписи скованы жестким канонам. Достаточно сказать, что они всегда составлены в третьем лице, так что даже из 10 000 надписей неизвестна ни одна форма второго или первого лица глагола. Точно так же ограничен и лексический состав текстов. Термины, даже встречающиеся десятки раз, часто находятся только в стереотипных формулах, не позволяющих раскрыть значение слова. Тем более это касается реалий. Так, относительно некоторых богов, даже столь важных, как сабейская Хавбас и катабанская Хавкам, до сих пор нельзя с уверенностью сказать, боги это или богини.

Неудивительно, что древний Йемен до сих пор остается таинственной, «экзотической» областью Древнего Востока, известной лишь по легендам. Для европейского читателя это лишь «страна царицы Савской», хотя и в этой роли Йемен вряд ли выигрывает конкуренцию с Эфиопией. Для мусульманского мира к «царице Савской» прибавляется лишь «Асад Совершенный» ('Ас'ад ал-Камил), легендарный завоеватель Китая и Тибета, оставивший свой шит на воротах Самарканда, хотя и он выглядит бледной копией зү-л-Карнайна (Александра Македонского).

Но и для специалистов древний Йемен является «экзотической» страной: знания о ней не входят в круг «обязательного образования» и часто игнорируются. Только этим можно объяснить тот недавний факт, что известный и серьезный эпиграфист-семиолог Э. Пюеш не опознал в клинописной табличке из Бет-Шемеша запись алфавита лишь потому, что эти буквы были расположены в порядке южносемитского письма.²

В этих условиях становится яснее значение появившихся в последние годы новых письменных памятников из Йемена — документов, написанных на черенках пальмовых листьев или на деревянных палочках, обрезках веток деревьев разных пород.

Интересна история этого сенсационного открытия, растянувшегося на 15 лет. В 1970 г. на городище ас-Савда' (древний Нашан) в Джауфе на севере Йемена была обнаружена каменная стела с изображением двух змей. Когда ее выкапывали из земли, чтобы перевезти в дом принца Хасана ибн Хусайна, внука имама Йахйи, на глубине около метра было найдено несколько деревянных палочек, покрытых письменами. Часть из них рассыпалась, но две, находившиеся в хорошем состоянии, были доставлены принцу. Два года спустя эти палочки на короткое время

были предоставлены для изучения известному сабеисту М. Гулю (ал-Гулу), профессору университета в Ирбиде в Иордании.³

Они представляли собой две палочки длиной 16 и 12 см и диаметром около 3 см, полностью заполненные письменами. Каждая содержала 14 строк, расположенных вдоль палочки. Начало и конец текста разделялись горизонтальной чертой.

Письмо было очень своеобразным и настолько отличалось от всего, что было известно в Южной Аравии и вообще на Ближнем Востоке, что первоначально возникло предположение об индийском происхождении документов, впрочем, быстро отвергнутое. Вскоре удалось установить число знаков — около 30, что совпадает с числом знаков южноаравийского алфавита (включая слворазделитель). Письмо М. Гуль определил как «ма'инский курсив» (что, впрочем, также оказалось неточным).

В том же году М. Гуль выступил с серией докладов о новых документах,⁴ однако дешифровка была еще в самом начале и ее результаты столь неконкретны, что эти сообщения не привлекли внимания исследователей.

По сходству с монументальным письмом надписей удалось первоначально определить только две буквы, *t* и *g*. Последовала удачная догадка — чтение имени главного божества Южной Аравии, «Астара, что позволило определить значение уже четырех букв. Столь же смелая догадка о чтении формулы *ttr/w'lmqh* «Астар и 'Алмаках», известной по сабейским надписям, дала значение еще шести знаков. Это и послужило основой для дешифровки.

Чтобы оценить эти догадки, отметим, что имена богов — чрезвычайная редкость в документах на дереве. К тому же формула «Астар и 'Алмаках» встречается только в сабейских надписях и весьма неожиданна в Джауфе, на территории древнего Матина.

Дешифровка продвигалась довольно медленно, но к 1977 г., когда М. Гуль представил ее результаты на обсуждение группы, готовившей «Сабейский словарь», в которую входили лучшие сабеисты мира А. Бистон, Ж. Рикманс, В. Мюллер, алфавит был уже почти полностью установлен, хотя чтение текстов оставалось еще во многом сомнительным.

Основную трудность в чтении документов представляет письмо. Оно производит полное впечатление курсива, хотя знаки и не соединяются между собой. Однако в нем наличествует главная характерная черта курсива, очень схожее, практически одинаковое написание нескольких букв, различающихся только положением в строке. На практике же и положение в строке часто не выдерживается и различие букв возможно только по смыслу слова. Схожие буквы очень многочисленны. Такие группы составляют знаки 'k-s-q, 'l-y-b-m, w-h-t, g-f-z, t-s-s, а также пары g-g, d-d. Индивидуальные, легко различимые формы имеют только четыре буквы — *p*, *š*, *t* и *ḏ*, да и то при небольшом повреждении или плохой сохранности знака *p* можно легко спутать с *h* или слворазделителем и т. д.

Такие сложности письма преодолеваются при беглом чтении, словами или целыми словосочетаниями, формулами, но при малом объеме известных текстов чрезвычайно затрудняют их чтение и дешифровку. К тому же документы М. Гуля оказались

частными письмами, совершенно новым жанром, никак не представленным в эпиграфике и изобилующим новыми, неизвестными словами и даже грамматическими формами. Да и вообще частные письма — весьма сложный для понимания жанр.

Именно письмо стало первым предметом исследования. Работа Ж. Рикманса, снимавшего копии с документов, возвращаясь к ним по многу раз, позволила ему детально описать письмо документов М. Гуля и дать первый алфавит нового письма (которое он назвал минускульным или строчным). Изучение еще семи документов, которые стали известны к 1985 г., позволило даже составить таблицу развития письма.⁵ При этом выяснилось, что письмо хотя и принадлежит несомненно руке профессионалов-писцов, но довольно сильно изменяется от одного документа к другому. Почти каждый новый документ приносит индивидуальные формы отдельных букв, не встречающиеся в известных текстах. Возможно, что в некоторых текстах можно встретить и разные формы одной и той же буквы (двойные написания). Это подтвердило исследование Ж. Рикманса, базирующееся на четырех новых документах из частной коллекции.⁶

Смерть М. Гуля в 1982 г. вновь задержала исследование и публикацию документов. Только в декабре 1984 г. на симпозиуме в университете Йармука, посвященном памяти М. Гуля, А. Бистой сообщил результаты его дешифровки и исследования документов, их текст и интерпретацию некоторых формул и грамматических форм. Но и эта работа была опубликована только в 1989 г.⁷

Но уже с 1984 г. документы привлекли внимание специалистов; примерно в это же время появились и новые памятники того же типа. Они также были найдены при неорганизованных раскопках на том же городище ас-Савдā/Нашан. Возможно, что и неорганизованные раскопки были связаны с распространением сведений о документах М. Гуля и об интересе, который они вызвали. Несколько документов на деревянных палочках и черенках пальмовых листьев оказались в распоряжении проф. В. Мюллера из частной коллекции в Германии. Еще несколько штук оказалось, благодаря заботам проф. Йусуфа 'Абдаллāха, в коллекции университета в Сан'ā'. Совместную работу над ними начали Й. 'Абдаллāх, В. Мюллер и Ж. Рикманс на семинаре в Марбурге в июле 1985 г. Ее результатом явилось исследование письма документов (получившего название «минускульного»⁸) и первая публикация одного из документов.⁹

Видимо, эти публикации и растущая популярность новых документов создали спрос на них на рынке древностей в Сан'ā' и привели к своеобразному буму. Племена Джауфа, получившие неожиданный источник дохода, закрыли археологам доступ на городище ас-Савдā' и, видимо, развернули обширные кладоискательские раскопки в Нашане, увенчавшиеся полным успехом. На рынке в Сан'ā' стали появляться десятки документов. Вскоре этот процесс принял лавинообразный характер, и счет пошел уже на сотни.

Значительная часть новых документов, благодаря усилиям Й. 'Абдаллāха, попала в музей университета в Сан'ā', где в августе 1991 г. Ж. Рикманс и В. Мюллер смогли ознакомиться с четырьмя десятками документов,¹⁰ а в конце года их насчитыва-

лось, по слухам, уже несколько сот. Документы оказались и в других музеях Сана'a. На рынке появился даже глиняный сосуд с сотней документов и принадлежностями для письма.¹¹ Одновременно такие документы стали появляться и в Европе, в частных коллекциях и даже у антикваров. Количество таких коллекций и документов нельзя оценить даже приблизительно, и в поле зрения ученых они попадают только случайно. Так, две коллекции, насчитывающие дюжину документов на черенках пальмовых листьев, переданы для изучения и публикации проф. Ж. Рикмансу, который любезно пригласил к сотрудничеству автора. Это дало мне возможность ознакомиться с текстами.

Документы на деревянных палочках или, большей частью, на черенках пальмовых листьев представляют собой массовый материал, распространенный в Южной Аравии очень широко. Благодаря климатическим условиям Йемена они хорошо сохраняются, и уже сейчас найденные тексты могут сравниться по объему с эпиграфическими памятниками, собиравшимися более 150 лет. По богатству и разнообразию содержания они во всяком случае не уступают надписям.

В организованных раскопках документы на черенках пальмовых листьев были обнаружены пока только в Райбу'не в Хадрамауте Советско-Йеменской комплексной экспедицией. В 1985 г. при раскопках жилого здания (РБ I зд. 6) в нижних слоях в отвале строительства было найдено несколько фрагментов плохой сохранности. В 1988 г. при раскопках храма зат-Химйам (РБ I зд. 4) тоже в слое мусора — семь черенков пальмовых листьев, также плохой сохранности. Документы плохо читаются и пока не поддаются дешифровке. Их письмо, по-видимому, довольно сильно отличается от письма йеменских документов. Лишь один документ из храма, найденный отдельно и написанный письмом, очень близким к эпиграфическому, удалось прочесть.¹² Это — документ хозяйственного учета из храма. По археологическим данным документы датируются ориентировочно V—IV вв. до н. э.

Что представляют собой эти документы? Это — черенки пальмовых листьев или ветки деревьев разных пород, разрезанные на куски нужной длины, обычно 10—20 см, но изредка и до 40 см, и диаметром в 2—3 см. Писали на них вдоль, справа налево, горизонтальными строками. Обычно палочки содержат 5—6 строк, иногда до 14—18. Справа — небольшое свободное поле, часто отграниченное вертикальной чертой. Слева, где писец держал палочку рукой, поле побольше. Над первой строкой часто проводилась горизонтальная черта. В левой части иногда имеется отверстие для хранения документов на шнурке или для навешивания печати.

На многих документах часть текста пересечена серией косых штрихов или длинной горизонтальной линией, т. е. зачеркнута. Иногда за таким зачеркиванием следует очень схожая фраза, видимо, исправление или вариант текста. В некоторых случаях часть текста написана после поворота палочки, «вверх ногами». По-видимому, перед нами какие-то черновые записи.

Строки часто неполные, разной длины, т. е. каждая строка составляет отдельную запись. Иногда текст строки прерывается, и записи разных строк сгруппированы в столбцы.

На некоторых документах имеются приписки, сделанные той же или другой рукой: отдельные слова или буквы на полях, иногда целые фразы; на черенках пальмовых листьев такие приписки обычно помещаются на реверсе (уплощенной стороне). Они производят впечатление итога или резолюции.

Изучение документов вызывает большие трудности и явно отстает от темпов их накопления. Медленно продвигается и их публикация. Кроме уже упомянутого документа из Райбуна издан полностью, с переводом, комментарием и воспроизведением, только один документ.¹³ Документы М. Гуля, как уже отмечалось, изданы без перевода, с интерпретацией только отдельных слов и фраз. Даже их общее содержание остается неясным.¹⁴ Пожалуй, наиболее понятен документ YA 2, изданный пока лишь в переводе в календаре, посвященном выставке южноаравийских древностей в музее города Штайнц (Австрия).¹⁵

Трудности интерпретации вызваны в основном тем, что тематика и содержание документов резко отличаются от тематики других известных южноаравийских текстов. Поэтому очень большое число слов встречается впервые, и параллели к ним не всегда имеются в арабском или даже в других семитских языках. Некоторое число слов можно обнаружить в современных йеменских диалектах, например, названия различных сельскохозяйственных культур — blsn «чечевица» (см. Ghul B, 11, 12).

Но и слова, известные по надписям, часто встречаются в новых, неизвестных значениях, которые весьма сложно определить. Так, документы М. Гуля начинаются одной вводной формулой: bdt/rsyn/mn/ms^cdm. Корень gšw/ršy часто встречается в надписях, и его значение хорошо известно: «быть жрецом, выполнять функции жреца», ср. gšy «жертва»(?).¹⁶ Однако в контексте это значение никак не подходит. Соответственно М. Гуль и А. Бистон толкуют его чисто по контексту: «Это послание от Мас'уда», тогда как К. Робен передает как собственное имя: «Зат-Рашиан от Мас'уда». ¹⁷ Следует указать, что род Рашиан/Рашиан известен в сабейских надписях (см., например, RES 4815), но обычная формула обращения в документах на черенках уже известна: 'br/N/mn/B «К такому-то от такого-то». В то же время термин «послание» встречается в этих же документах — štr/štrn (Ghul A, 13; B, 3, 9, 14). Таким образом, можно сказать, что gšyn, видимо, обозначает какой-то особый вид послания, но точное значение слова остается неясным.

Помимо этого, частные письма и хозяйственные документы вообще очень сложны для понимания, так как предполагают знакомство читателя со всеми «окружающими» реалиями и обычаями — то, чем исследователи не обладают (во всяком случае, пока, до публикации значительного корпуса документов). Так, список имен с последующими цифровыми обозначениями остается совершенно неясным, пока нельзя как минимум установить характер имен (личные, родовые или географические).

Говорить о содержании и типах сотен таких документов, имея столь мало материала, почти невозможно. Однако Ж. Рикманс на основании известных ему около полусотни документов опубликовал обзорную статью, в которой выделяет некоторые типы.¹⁸

1. Школьные тексты. Они представлены записью знаков алфавита в уже известном порядке знаков южносемитского алфавита. Запись содержит 23 знака и заканчивается гайном. Три первые буквы повреждены и повторены под началом второй строки. Письмо несколько утрировано. Может быть, это характеризует «проепись», образец для изучения письма.

2. Списки имен — лиц или родов, без каких-либо дополнений или пояснений, или с цифровыми обозначениями (черточками или буквенными обозначениями), иногда с какими-то пояснениями и суммой (итогом) — внизу или на реверсе. Иногда указано число людей и их статус. Значение таких списков остается неясным.

3. Частные письма. Они начинаются формулой «Такому-то от такого-то». Затем следуют различные поздравления и благопожелания, иногда очень развернутые. Так, сравнительно краткая формула документа Ghul A занимает больше двух строк: w'ttr/w'lmqh/lyhšlhnn/lk/n'mtm/wl/yšmnn/wfyk/wbdt/wfym/'brnkmw/fh' sm/hmd/ «и 'Астар и 'Алмаках устроят для тебя благоденствие, и утвердят твое благополучие. И также благополучие вам. И они [авторы] увеличат хвалы». Часто эти же формулы повторяются и в конце в несколько измененном виде. Формулы благопожеланий стандартны и повторяются с незначительными вариациями в разных письмах.

Содержание писем очень разнообразно и не всегда ясно. Они сообщают о доставке зерна и других продуктов или просят их доставить, говорят о каких-то деловых и финансовых отношениях, о совместных делах, иногда просто посвящены обмену новостями. Часто упоминаются третьи лица.

Ж. Рикманс выделяет особый вид писем, называемый 'bput «сообщение», в которых передаются личные новости. Термин известен также по надписям, но в несколько ином значении.¹⁹ Авторы обращаются к корреспонденту во втором лице, но сами обозначены третьим. По мнению Ж. Рикманса, это отражает участие профессионального писца, которому диктовалось письмо. Однако известно и письмо, в котором подпись совпадает с именем отправителя.

4. Долговые или кредитные документы. Они начинаются суммой, выраженной в монетах, или количеством зерна, измеряемого мешками ('qI). Затем следует имя должника или кредитора (это часто трудно установить) и дата сделки или платежа. Обычно текст краток, но иногда указываются причины платежа или его условия. Ж. Рикманс приводит пример документа о передаче зерна мельнику, который должен вернуть долг мукой к определенному слоку. Весьма важны даты по эпонимам, которые содержатся в этих документах. Они позволяют иногда датировать тексты довольно точно и дают возможность судить о времени, которое охватывают имеющиеся документы.

К этому типу принадлежит изданный Й. 'Абдаллāхом документ YA 1 о получении определенного количества фиников «по обычной цене» (dhnm)²⁰ от Марсадума в качестве платы Шарах-илу напшйцу «за одного верблюда» (l'hd/'blm), которого прислал (привел?) Рабибум из (рода) Гураф. Далее следует дата. После нее текст зачеркнут, и с большим трудом читаются какие-то имена.

Несмотря на краткость и простоту и наличие параллельных текстов, выявляющих тип документа, он вызывает множество трудностей. Так, количество фиников обозначено термином *sl^c* «шкель». Термин в таком значении встречается в Южной Аравии впервые. Его толкование как меры ясно по ближневосточным параллелям, однако остается неясным, имеется ли в виду денежная или весовая единица. Как весовая единица — это слишком малое количество для составления документа, если только южноаравийская мера *sl^c* «камень» не отличается очень значительно от ближневосточного шкеля.

Если понимать *sl^c* как обозначение монеты, то представляет большой интерес обозначение количества через цену, свидетельствующее о стабильности и известности цены и тем самым — о высоком развитии рыночных отношений. Такое понимание, кажется, подкрепляется и определением фиников — *dhnm* (см. примеч. 20).

В отдельный раздел выделяются частные контракты. Изданный Й. 'Абдаллахом YA 2 сообщает о передаче членами рода Ган'ан некой Бар'ум на выпас трех взрослых овец. Оговаривается раздел дохода — половина приплода и шерсти, тогда как молоко принадлежит Бар'ум. Через год овцы переходят в собственность Бар'ум, но приплод по-прежнему делится пополам. Оговаривается и ответственность за возможные убытки: собственники несут убытки от болезни или бесплодия овец и в случае засухи, а Бар'ум — в случае плохой пастбы, нападения диких животных. Документ датирован и содержит формулы, подтверждающие его правомочность.

Ж. Рикманс сообщает о контракте передачи собственником земли другому на следующий дождливый сезон сорока семи мер (*mfr^c*) воды из общего канала. Меры, вероятно, определялись временем открытия шлюзов. Документ датирован и подписан официальным лицом — «орошающим» (*mdrg*).²¹

Особого упоминания заслуживает и документ на необычно длинном черенке (длина 39 см), написанный очень профессиональным и изящным канцелярским почерком. Он еще не полностью обработан и прочитан, но, кажется, является отрывком из официальных царских анналов.²²

Это показывает, что наше знакомство даже с типами южноаравийских текстов на черенках пальмовых листьев еще далеко от полноты и в дальнейшем можно ожидать появления текстов любого жанра, вплоть до мифологических и литературных.

Проблема датировки документов, как все южноаравийские датировки, очень сложна, тем более что документы известны вне археологического контекста. Черенки из Райбуна, правда, археологически датируются V—IV вв. до н. э., но эта дата в равной мере относится и к изданному тексту на черенке с почти эпиграфическим письмом, и к неизданным, гораздо более «курсивным», и, таким образом, может служить лишь очень приблизительным ориентиром.²³

Исследование письма позволяет проследить его эволюцию, насчитывающую, видимо, два-три столетия, но и такая датировка очень неточна. Но даже сейчас Ж. Рикманс относит наиболее ранние тексты к IV в. до н. э., а большинство документов — ко II—III вв. н. э.²⁴

Большое число документов датировано по эпонимам; по оценке Ж. Рикманса, число таких текстов достигает 10%.²⁵ Среди них один документ датирован, кажется, ма'инским эпонимом и составлен на ма'инском языке, что позволяет датировать его не позднее I в. до н. э., до исчезновения Ма'ина. Использование датировки по сабейским эпонимам довольно сложно, так как мною реконструирован хронологический список сабейских эпонимов только для конца I—III вв. н. э., да и в него, видимо, новый материал заставит внести некоторые изменения.²⁶ Но и теперь даты по эпонимам позволяют уточнить и даты отдельных документов, и период их существования. Отметим, что эти даты полностью подтверждают датировку, предложенную Ж. Рикмансом.

Обратимся к упоминаниям эпонимов, уже известных по надписям. Это прежде всего эпоним Наша'кариб сын Ма'адкариба из Фадахам (документ ± 180 × 12²⁷). Он известен также по надписи Ja 610, датируемой правлением сабейского царя Наша'кариба Йу'мина; документ относится примерно к 263 г. н. э.

Эпоним Тубба'кариб сын Ма'адкариба из кабиров Халїл (документ YA 1) явно идентичен с эпонимом Тубба'карибом сыном Ма'адкариба из Хазфарам надписи Eg 10. Правда, место этого эпонима в хронологическом списке не вполне ясно, но надпись Eg 10 относится к соправлению царей 'Алхана Нахфана и его сына Ша'ира 'Автара, т. е. ко второй половине или концу II в. н. э. Отметим, что в дате документа YA 1 впервые встретилось название сабейского месяца *dkšbm зу-Кашабам*, которое позже было обнаружено также в ранней сабейской надписи из Барақиша Y90.DA 1.²⁸

Ж. Рикманс приводит также дату: «в месяце зу-^сАстар третьего года Вадад'ила сына Халак'амара из Хазмат».²⁹ Этот эпоним неизвестен по другим надписям, а его отец носит имя, не встречающееся у эпонимов I—III вв. н. э. Впрочем, оно довольно часто у эпонимов более раннего времени: см. C1H 555, RES 4966, 3951. В надписи G1 1200 упомянут некий Халак'амар сын... из/ Хазмат», может быть, отец нового эпонима. Этих двух эпонимов можно датировать не ранее начала I в. н. э. или даже более ранним периодом.

Может быть, наиболее интересна дата документа YA 2 «в месяце зу-Хавбас в эпонимат Би'астара сына 'Аб'амара из Хазфарам зу-Матба'ам». Оба эпонима носят нехарактерные имена, впрочем, известные по надписям как имена эпонимов, хотя 'Аб'амар — только один раз в поврежденном контексте (RES 4133). Выделяется двойное родовое имя эпонима, из Хазфарам зу-Матба'ам. Такие двойные родовые имена были известны и раньше: «из Хазфарам зу-Дамран» (Fa 30), «из Хазфарам зу-Тасваран» (C1H 73) и «из Хазфарам зу-Рафдан» (G1 1533). Все они и по именам эпонимов, и по палеографии относятся к раннему времени, не охваченному хронологическим списком эпонимов, т. е. до рубежа н. э.

Среди этих дат есть и поврежденная дата надписи RES 4133: «Наба'їл сын 'Аб'а[мара]... Матба'ам». Толкование этого текста вызывало возражения, и мною, в рамках структуры сабейского эпонимата, была предложена реконструкция: «Наба'їл сын 'Аб'а[мара] из Хазфарам (?) зу-]Матба'ам».³⁰ Новый документ полностью подтверждает реконструкцию и, следовательно, струк-

туру сабейского эпонимата. Документ может быть датирован II—I вв. до н. э.

Новые даты в документах на черенках пальмовых листьев значительно обогащают наши знания системы сабейского эпонимата и позволяют надеяться уже в ближайшем будущем на существенные уточнения хронологического списка и его расширение на более ранний период.³¹

Даты по эпонимам подтверждают, что документы на черенках пальмовых листьев охватывают период не менее 500 лет, со II в. до н. э. по вторую половину III в. н. э. как минимум. Возможно, что они охватывают и более поздний «монотеистический» период. Правда, в них не встретилось пока никаких монотеистических формул, но они и вообще несут совершенно профанный характер и упоминают богов только в формуле благопожелания, хотя некоторые из них, как черенок из Райбўна, вероятно, происходят из храмовых хозяйств. Столь же резко выражен и их частный характер. До сих пор в них не встретилось ни одного упоминания царей, что, кстати, сильно затрудняет их датировку. Не упоминаются и политические события (войны). Однако достаточно часты упоминания официальных лиц, эпонимов и представителей общинной и храмовой или государственной администрации. Возможно, что эти лакуны объясняются всего лишь неполнотой наших знаний.

Находка массовых документов, охватывающих большую часть многовековой истории древнего Йемена, освещающих в той или иной степени все стороны жизни страны, экономической и культурной, частной и общественной, открывает широчайшие перспективы исторических исследований не только для Йемена, но и для сопредельных стран Ближнего Востока и Африки. С публикацией сотен документов, уже сейчас сосредоточенных в музеях Йемена, Южная Аравия перестанет быть «экзотической» страной Древнего Востока, и миру предстанет во всей сложности своеобразная высокоразвитая цивилизация древнего Йемена.

Открытие документов на черенках пальмовых листьев можно смело назвать одним из крупнейших открытий нашего века в истории Ближнего Востока, и без того богатой такими открытиями, как цивилизация Эблы и Угарита или документы Мертвого моря.

Примечания

¹ Caton-Thompson G. The Tombs and Moon Temple of Hureidha (Hadramaut). London, 1944. (Reports of the Research Council of the Society of Antiquaries of London. No. 13).

² Puech E. Origine de l'alphabet // *Revue Biblique*. 1986. No. 93. P. 206—208; ср.: Лундин А. Г. Табличка из Бет-Шемеша // *ВДИ*. 1989. № 1. С. 144—150.

³ Beeston A. F. L. Mahmoud 'Ali Ghul and the Sabaeen Cursive Script // *Arabian Studies in Honour of Mahmoud Ghul: Symposium at Yarmouk University*. December 8—11, 1984. Wiesbaden, 1989. P. 15—19 (Yarmouk University Publications. Institute of Archaeology and Anthropology Series. Vol 2).

⁴ Deutsche Orientalistentag, 1972; the 6th Seminar for Arabian Studies, 27th—28th September 1972 (London); International Symposium on North Arabian Antiquity, 15th—17th December 1972 (Harvard, USA).

⁵ Ruyckmans J. Une écriture minuscule sud-arabe antique récemment découverte // *Scripta Signa Vocis. Studies about Scripts, Scriptures, Scribes and Lan-*

guages in the Near East, presented to J. H. Hospers / Ed. by H. L. J. Vanstiphout et al. Groningen, 1986. P. 185—199.

⁶ Ryckmans J. Pétioles de palmes et bâtonnets sud-arabes inscrits: notes de paléographie // Arabia Felix. Beiträge zur Sprache und Kultur des vorislamischen Arabien. Festschrift W. W. Müller zum 60. Geburtstag / Hrsg. von N. Nebes. Wiesbaden, 1994. S. 250—259.

⁷ Beeston A. F. L. Mahmoud 'Ali Ghul... P. 15—19.

⁸ Ryckmans J. Une écriture minuscule... P. 185—199.

⁹ 'Abdallāh Y. M. Hatt al-musnad wa'l-nuḡūḡ al-yamaniyya al-qadīma. Dirāsa li-kitāba qadīma manqūša 'alā'l-ḥaṣab // Al-Yaman al-ga'dīd. 1986. May. T. 15, N 5. P. 10—26; June. T. 15, № 6. P. 10—28.

¹⁰ Ryckmans J. Inscribed Old South Arabian Sticks and Palm-Leaf Stalks: an Introduction and a Palaeographical Approach // PSAS. 1993. Vol. 23. P. 128—129.

¹¹ См.: Лундин А. Г. Архивы древнего Йемена // ВДИ. 1995. № 3 (т. 213). С. 7. — *Примеч. ред.*

¹² Бауэр Г. М., Акопян А. М., Лундин А. Г. Новые эпиграфические памятники из Хадрамаута // ВДИ. 1990. № 2 (т. 193). С. 168—173.

¹³ 'Abdallāh Y. M. Hatt al-musnad...

¹⁴ Beeston A. F. L. Mahmoud 'Ali Ghul... P. 15—19. Такой же характер носит и публикация К. Робена: Robin Ch. Les écritures de l'Arabie avant l'Islam // L'Arabie antique de Karib'il à Mahomet. Revue du Monde Musulman et de la Méditerranée. 1993. Vol. 61. No. 3. P. 132—133. Ср. также: Ryckmans J. Les deux bâtonnets sud-arabes déchiffrés par Mahmoud Ghul // Studies in Oriental Culture and History. Festschrift für Walter Dostal. Frankfurt am Main; Berlin; Bern; New York; Paris; Wien, 1993. P. 41—48.

¹⁵ Übersetzung einer vor kurzem entdeckten Holzinschrift, verfaßt in südarabischer Kursivschrift und entziffert von Y. Abdallah // Al-Yaman. Impression aus Südarabien anlässlich der Südarabien-Ausstellung. Stainz (Österreich), Joanneum Schloss, 1991.

К настоящему времени этот текст издан в транслитерации с переводом, подробным комментарием и прекрасными фотографиями, см.: Abdallah Y. M. Ein altsüdarabischer Vertragstext von den neuentdeckten Inschriften auf Holz // Arabia Felix. Beiträge zur Sprache und Kultur des vorislamischen Arabien. Festschrift W. W. Müller zum 60. Geburtstag / Hrsg. von N. Nebes. Wiesbaden, 1994. S. 1—12. Кроме того, вышло в свет издание еще 16 древнейших документов на дереве: Ryckmans J., Müller W. W., Abdallah Y. M. Textes du Yémen antique inscrits sur bois (with an English Summary). Louvaine-la-Neuve, 1994. (Publications de l'Institut orientaliste de Louvain. T. 43). Таким образом, общее число полностью опубликованных текстов такого типа достигло сейчас 18. В «Denkschrift Maria Höbner» должно выйти подготовленное Ж. Рикмансом и А. Г. Лундиным издание документа на пальмовом черенке X.J.Ry b-2, составленного на ма'инском языке. И наконец, 20 июля 1996 г. на Семинаре аравийских исследований в Лондоне Ж. Рикманс выступил с сообщением, в котором дал комментированный перевод текста на дереве Oost. Inst. Leiden 14 (из коллекции Восточного института Лейденского университета), выполненный им совместно с А. Древесом (A. Drewes). — *Примеч. ред.*

¹⁶ Beeston A. F. L., Ghul M. A., Müller W. W., Ryckmans J. Dictionnaire sabéen (anglais-français-arabe). Louvaine-la-Neuve; Beyrouth, 1982. P. 118.

¹⁷ Robin Ch. Les écritures... P. 133; Beeston A. F. L. Mahmoud 'Ali Ghul... P. 16.

¹⁸ Ryckmans J. 1) Inscribed... Sticks and Palm-Leaf Stalks... P. 127—140; 2) Pétioles de palmes et bâtonnets inscrits: un nouveau type de documents du Yémen antique // Bulletin de la Classe des Lettres et des Sciences Morales et Politiques de l'Académie Royale de Belgique, 6e série. 1993. T. 4, No. 1—6. P. 15—32.

¹⁹ Beeston A. F. L., Ghul M. A., Müller W. W., Ryckmans J. Dictionnaire sabéen... P. 152—153.

²⁰ Йусуф 'Абдаллах понимает это слово как имя собственное «харнаийские финики», но такое географическое название не засвидетельствовано в надписях. Ср. арабское ḥarāna «продавать не слишком дорого, не слишком дешево; быть справедливым (по цене)» (de Biberstein Kazimirski A. Dictionnaire arabe-français. Paris, 1860. T. 1. P. 416).

²¹ Ryckmans J. 1) Inscribed... Sticks and Palm-Leaf Stalks... P. 132; 2) Pétioles de palmes...: un nouveau type... P. 28. — *Примеч. ред.*

²² Ryckmans J. 1) Inscribed... Sticks and Palm-Leaf Stalks... P. 135; 2) Pétioles de palmes...: un nouveau type... P. 32.

²³ Бауэр Г. М., Акопян А. М., Лундин А. Г. Новые... памятники... С. 169—172.

²⁴ Ryckmans J. Inscribed... Sticks and Palm-Leaf Stalks... P. 133.

²⁵ Ryckmans J. 1) Inscribed... Sticks and Palm-Leaf Stalks... P. 131; 2) Pétioles de palmes...: un nouveau type... P. 24.

²⁶ См.: Лундин А. Г. Хронологический список сабейских эпонимов I—III вв. н. э. // Народы Азии и Африки. 1979. № 5. С. 97—106.

²⁷ Палеография этого текста представлена: Ryckmans J. Une écriture minuscule... Fig. 1—2. Сам текст пока не издан. — *Примеч. ред.*

²⁸ Gnoli G., Robin Ch. Nouveaux documents sabéens de Barâqish // Yemen. 1992. T. 1. P. 93—95.

²⁹ Ryckmans J. Inscribed... Sticks and Palm-Leaf Stalks... P. 132. Содержащий эту датировку текст полностью опубликован под No. 10: Ryckmans J., Müller W. W., Abdallah Y. M. Textes du Yémen antique... P. 58—59, 92—93. — *Примеч. ред.*

³⁰ См.: Лундин А. Г. 1) Государство мукаррибов Саба' (сабейский эпонимат). М., 1971. С. 128—131; 2) О времени возникновения сабейского эпонимата // ВДИ. 1978. № 3 (т. 145). С. 112.

³¹ В опубликованных документах на дереве упомянуты и другие эпонимы кроме названных здесь А. Г. Лундиным:

1 'Абриб сын Хайвама из Хазфарам (текст No. 11, см.: Ryckmans J., Müller W. W., Abdallah Y. M. Textes du Yémen antique... P. 59—61, 94—95), магистратуру которого А. Г. Лундин в последнем (неизданном) варианте списка сабейских эпонимов датировал 102—108 гг. н. э.;

2 Наша'кариб из кабиров Халл (текст No. 13, см.: Ryckmans J., Müller W. W., Abdallah Y. M. Textes du Yémen antique... P. 62—63, 98—99);

3 Раббан зү Бартан (Барратан; текст No. 12, см.: Ryckmans J., Müller W. W., Abdallah Y. M. Textes du Yémen antique... P. 61—62, 96—97).

Последний из них, как показал А. Г. Лундин, был не общесабейским эпонимом, а магистратом племени Арба'ан, одного из племен совета старейшин в древнем государстве Саба' (Лундин А. Г. Архивы... С. 11—12). — *Примеч. ред.*

A. G. Loundine

NOUVEAUX DOCUMENTS DU YÉMEN ANTIQUE

L'article est consacré à l'examen détaillé et approfondi d'un nouveau type des sources historiques sur la civilisation sudarabique ancienne récemment découvert. Il s'agit des documents sur bois, à savoir des pétioles de palmes et des bâtonnets inscrits. C'était le célèbre savant palestinien Mahmoud Ghul qui a déchiffrée une écriture inconnue des textes gravés sur deux segments de branches écorcées trouvés en 1970 et a établi qu'elle représentait une version cursive de l'alphabet sudarabique. Maintenant le nombre total des documents de ce type dont la majorité écrasante semble d'être découverte au cours des fouilles clandestines sur le site d'as-Sawda' (l'antique Nashan) a atteint quelques centaines. Sept pétioles de palmes inscrits qui étaient trouvés par l'Expédition soviéto-yéménite pluridisciplinaire proviennent de Raybūn. Quant à l'interprétation des textes en écriture cursive (ou plutôt minuscule), elle pose des problèmes considérables à cause de la ressemblance des formes de certains caractères et de l'obscurité du lexique. Vers 1994 seulement un texte cursif du Yémen antique était publié avec la traduction commentée.

Malgré toutes ces difficultés les résultats obtenus sont impressionnants. J. Ryckmans a réussi à jeter les bases de la paléographie de cette écriture. On a révélé que les textes sudarabiques sur bois se classaient dans les catégories différentes et comprenaient des exercices d'écoliers ou d'apprentis, des listes de personnes ou de clans, des lettres privées, des contrats et probablement même des annales his-

toriques. Ils étaient rédigés pendant une période de sept ou huit siècles: du milieu du Ier millénaire avant J.-C. jusqu'à la fin du IIIe siècle de notre ère. Il est évident que les documents de ce nouveau type contiennent des données uniques sur les relations économiques, sur la vie privée des habitants du Yémen préislamique qui manquent d'habitude dans les inscriptions monumentales. L'étude scrupuleuse de ces textes extrêmement difficiles permettra d'élargir nos connaissances sur la civilisation sudarabique d'une manière considérable, contribuera beaucoup à la compréhension adéquate de tous ses aspects.
